

ВОСКРЕСЕНЬЕ 11 февраля на перedelкинском кладбище, рядом с могилой ее отца, похоронили Лидию Корнеевну Чуковскую. Она оставила нам книги и рукописи, исполненные прозрения и мужества, доброты и стойкости, пронизанные высоким умом и светлым юмором. Надеюсь, книги ее будут переиздаваться, а рукописи, и в первую очередь 3-й том «Записок об Анне Ахматовой», а затем и дневники, старанием ее дочери Елены Цезаревны Чуковской, тоже попадут к читателю.

Книги вещь надежная, они преодолевают время, чего не скажешь о нашей памяти, и поэтому сегодня мне хочется говорить не о книгах, а вспомнить, пока не поздно, по живому следу, какой была Лидия Корнеевна.

Мы дружили тридцать пять лет. Поначалу нас сблизил любовь к стихам, хотя поэтов (даже среди классиков) мы, в основном, любили разных. Она обожала Некрасова и Фета, а я Некрасова разлюбил, как только раздобыл одномыслие Есенина, а Фета понял совсем недавно. Споры были горячие, темперамент у Лидии Корнеевны — бойцовский. Разногласия эти нас никогда не ссорили, но и убедить друг друга нам редко удавалось. Есенина или Слуцкого, несмотря на все мои доводы, Лидия Корнеевна так и не признала, однако все же согласилась со мной, что у Николая Глазкова есть отличные стихи.

Зато Блок, Пастернак и Ахматова никаких споров у нас не вызывали. Мы их преданно любили, но Лидия Корнеевна часто открывала мне зашифрованности Ахматовой и многие недоговоренности Пастернака. Помню, как она, что называется, с ходу, экспромтом блестяще раскрыла смысл стихотворения «Рослый стрелок, осторожный охотник, призрак с ружьем на разливе души...», которое, давно зная наизусть, я до конца не понимал.

Но вскоре наши споры о стихах стали перемежаться далекими от поэзии разговорами. Началось это с дела Иосифа Бродского, которого Чуковская вместе со своей подругой Виг-

доровой пыталась оградить сначала от суда, а потом вытащить из ссылки. Они писали бесконечные прошения во всевозможные инстанции, просили подписывать эти письма известных людей, и в конце концов Бродского освободили. Помню, во второй половине января 66-го года был устроен его вечер в клубе писателей, не в большом зале, а почему-то в комнате партбюро, естественно, набитой до отказа. Когда после этого вечера я зашел к Лидии Корнеевне рассказать о триумфе Бродского, она протянула мне «Известия» со статьей Дм. Еремина «Перевертыши» против недавно арестованных Синявского и Даниэля и свое письмо-протест в эту газету.

— Чего, вы считаете, не хватает в моем письме? — спросила она, и я (как она совсем недавно рассказывала моей жене — сам я этого не помню) вроде бы ответил:

— Моей подписи.

Так я стал ее соавтором, хотя, это уж помню точно, поправил в письме вряд ли больше одной фразы. После этого мы подписывали с ней много писем-протестов против разного рода несправедливостей, но их уже составляла не она. Вообще она предпочитала протестовать по-писательски в одиночку, и это получалось у нее прекрасно. Достаточно вспомнить ее письмо Шолохову или ее статью «Гнев народа» в защиту Сахарова и Солженицына.

Любовь Чуковской к литературе и любви к справедливости — черта семейная. Ею, в высшей степени, был наделен ее отец Корней Иванович. В своих дневниках он пишет о смерти Блока и Маяковского с таким же чувством потери, как о смерти любимой дочери Мурочки. И я до сих пор помню, каким голосом Лидия Корнеевна мне сказала по телефону:

ПРОЩАНИЕ

Бесстрашная Памяти Лидии Чуковской

— Арестован Александр Исаевич... — а шесть лет спустя:

— Арестован Андрей Дмитриевич...

К Солженицыным она, помню, пришла — в 1974 году здоровье ее было лучше — сама, а к Сахаровым мы приехали на такси, но таксист не хотел останавливаться у подъезда — опасался стоявших там нескольких черных «Волг» с пугающими его номерными знаками, и мне пришлось тащить плохо видающую, измученную тахикардией Лидию Корнеевну через сугробы.

Время как бы не располагало к разговорам о стихах, но мы все равно о них говорили, и не только о них. Как бы ни было тяжело, она всегда вспоминала что-нибудь веселое из своей такой невеселой жизни. Нет, это не было юмором висельника — это была обычная повседневная жизнь литератора, в которой смешано все. Ведь однообразие — смерть стихов и прозы.

Мне запомнились ее рассказы (к счастью, многие из них ею записаны и, надеюсь, дойдут до читателей!), где трагизм мешался с юмором. Рассказчик она была великолепный, рассказывала артистически, изображая всех персонажей — и их речь со всеми оттенками и акцентами, и их ужимки.

И таких рассказов из давнего и недавнего прошлого у нее была бездна. Коротко об этой удивительной женщине не расскажешь. Впрочем, она сама, явно не имея того в виду, многое рассказала в своих «Записках об Анне Ахматовой». При всем преклонении автора перед своей великой современницей, та не заслонила ее, и величие души Лидии Корнеевны, и ее сердечность, и неукротимый нрав, все передают «Записки...».

Многие и не только близкие ей люди чувствуют себя осиротевшими. Такая отзывчивость на любое горе и любую несправедливость встречается крайне редко. Она, больная, плохо видевшая, одна, без сопровождающих, могла несколько часов просидеть на каменных ступеньках у двери друга, когда его вызывали в КГБ (так было со мной), деятельно помогать, устраивать к врачам, читать все публикации и откликаться не только телефонными звонками, но и писать письма с доброжелательным, но строгим разбором.

Ее нравственное чутье было безошибочным.

Уверен, о ней будут писать, она останется в истории российской литературы и общественной жизни. И пока живы еще люди, которые хорошо знали ее, надо готовить сборник воспоминаний. Я же хочу закончить эту заметку своими стихами, написанными к ее восьмидесятилетию. Стихи не очень серьезные, и я не стал бы их печатать, но Лидия Корнеевна сама передала их вместе с другими стихами, ей посвященными, одному западному издателю, и они вышли в книге.

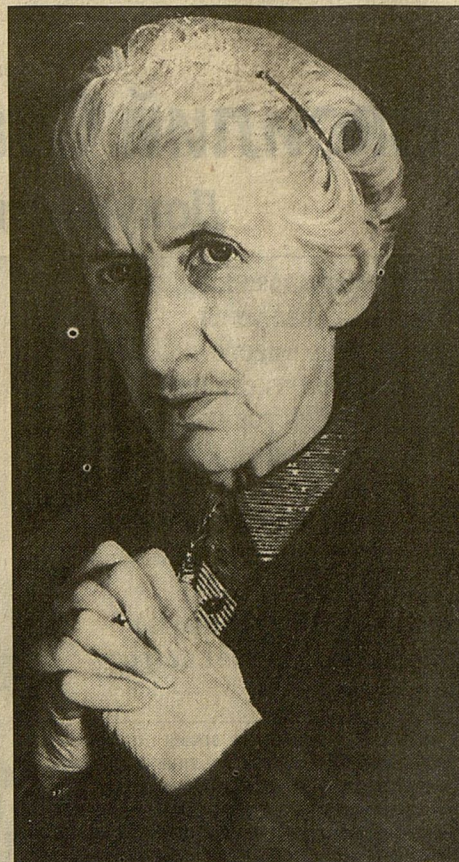
24 марта 1987

Я хворая и болею:

*То ли грипп, то ли простуда,
Но на Вашем юбилее
Хоть тишком, а все ж побуду.*

*Были казни, были бури,
Но среди переполоха,
В жизни и в литературе
Вы — как целая эпоха.*

*Перед страхом и кошмаром
Вы стояли что есть силы*



*Петроградским ординаром,
Чтобы нас не затопило.*

*Знаю, Лидия Корнеевна,
Как нерадостно и трудно
Так стараться ежедневно,
Ежечасно и minutно...*

*Но за долгую невзгоду
Пусть расплатится бездарность,
А высокий «Гнев народа»
Обратится в благодарность.*

Чуковская Лидия
Корнеевна

Общая газ. - 1996. -
15 февр. - с 10.

36